

УДК 7.033

DOI: 10.29013/EJA-23-3-23-26

ЩЕБЕТОВСКАЯ Д. А.¹¹ Уфимский университет науки и технологий Уфа, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИДЕЙ ВЛАСТИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПЕТРА I

Аннотация

Цель: противопоставление репрезентации идеи монархической власти Петра I в европейской и русской художественных традициях и идеологических концепциях II пол. XVIII в.

Методы: сравнение, системный анализ, группировка данных, теоретическое познание, исторический метод.

Результаты: Мы пришли к выводу о том, что европейская космополитичная идея власти построена на индивидуализации и выделении образа монарха из социального окружения. В оппозиции ей стоит русская идея соборности монархии и ломоносовская убежденность в сакральной нуменозности Петра. Трактовка власти Петра I Ломоносовым в определенной степени соотносится с представлением монаршей власти М. Фуко. Представление же власти у Фальконе вполне отражает идеалы французского Просвещения.

Научная новизна: В нашей работе мы впервые сравниваем репрезентации образа власти России XVIII в. в русской и европейской традиции на примере Петра I.

Практическое значение: Результатом исследования стали разработка, изучение и апробация двух новых концепций, могущих в дальнейшем послужить основой для продолжения исследований.

В результате их разработки мы пришли к выводу о сходном влиянии религиозных и атеистических аргументов легитимации власти. Это может послужить к формированию новационных способов работы с информацией не только в рамках исторической науки, но и смежных областях знаний.

Ключевые слова: образ власти; Пётр I; нуменозность; репрезентация; легитимность; национализм; рационализм.

Для цитирования: Щебетовская Д. А. Репрезентация европейской и российской идей власти в изображении Петра I // European Journal of Arts, 2023, №3. – С. 22–25. DOI: <https://doi.org/10.29013/EJA-23-3-23-26>

Веками тандем власти и искусства был неразрывен, визуальные средства легитимации – оптимальны для массового зрителя, они быстро внедряются в общественную мысль, часто повторяясь, становятся социальными аксиомами. Для сакрализации авторами до XVII в. использовалась преимущественно внешняя атрибутика, иконографическая художественная схема композиции, благодаря чему портрет становился самостоятельным текстом [1, 3–74]. К началу XVIII в. окончательно установившийся абсолютизм в России потребовал его утверждения в новых формах, подходящих на роль политической корреспонденции между Правителем и его народом. Ведь, исходя из источников того периода [2, 10–12], фундирование новой

политической реальности было центральной идеологической задачей и власть вновь обратилась к художникам – появился госзаказ на преемственность, и он был исполнен. Для этого исследования мы выбрали два несхожих, на первый взгляд, произведения искусства 1760–70-х гг. – скульптуру Э. М. Фальконе «Медный всадник» и мозаичное панно «Полтавская баталия» М. В. Ломоносова.

Допетровская Русь в представлении Петра и его идеологов – страна с ведущей мифологемой богоустановленной праведной власти. В петровский период было создано не много произведений (тогда же ведущей идеей власти стал переход от религиозного понимания её характера к светскому и общественному

(«Правитель «не пастырь народу своему, но ... пастух ... имеет жезл наказания и казнения») [3, 11–14]. Развивает эту мысль и Пётр в различных документах, где относительно своей и службы подданных, он употребил представление о пользе обществу и служению не просто не ему самому, но отечеству, где свои миссию он характеризует как службу родине и общему благу подданных [4, 95–117] – «все старания ... наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные, попечением нашим о всеобщем благе, более и более приходили в ... благополучнейшее состояние» или «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем ... от чего облегчён будет народ» [5]. Так среди современников старались укоренить идеи раннего просвещения и нового времени в юридической системе. Впервые власть как процесс выносился из персоны правителя и переходил к некоей законодательной системе, аппарату.

Логичен и выбор объектов исследования. Вряд ли в истории России мы можем найти фигуру более сакрализованную и неоднозначную, нежели первый император, к тому же религиозная презентация власти монарха в эти годы секуляризуется. Император не подлежал божественной апологии, от того в искусстве появляются разночтения образа Правителя, делая его привлекательным для изучения [6, 1146].

Перейдём к анализу различий наших объектов изучения. Конный монумент Петра I Э. -М. Фальконе изначально задумывался как способ возвеличивания Императора – человека, а заказывался Екатериной II для обоснования собственного права на престол путём ассоциирования с наследием Петра. Тому мы находим подтверждение тому мы находим и в письмах Фальконе к Дидро в нашем переводе – «Если бы Вы были в Санкт-Петербурге, если бы вы знали, какую цену Её Императорское Величество назначает за одобрение своей, Вы бы сказали: Екатерина увидит вашего царя и спор о потомстве будет окончен» [7, 186]. В пользу теории предметности говорит и надпись на памятнике «ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая 1782».

Мозаика Ломоносова предполагалась как «надгробие» для Петропавловского собора – усыпальницы Петра. От того в оригинале панно венчало изображение апостола Павла с пером, благословляющего ход сражения. Тут прослеживается текст божественной сущности власти – интенция характерная, скорее до рубежа XVII–XVIII вв. В пользу этой же версии говорит и надпись из послания к Римлянам по верхнему

краю картины баталии «Бог по нас, кто на ны?» – Император не просто богоизбран, но и становится проводником его воли в мире дольном.

Различаются и представления у художников о роли личности в истории. Медный всадник – изображение Петра как человека, без навешивания на него дополнительных смысловых ярлыков – «я не рассматриваю его ни как великого полководца, ни как завоевателя, хотя он, несомненно, был им, [но] как создателя, законодателя, благодетеля своей страны [7, 186]». Хотя портретное сходство было достигнуто вполне для Фальконе куда важнее было показать волевые черты натуры Петра. Поворот головы в три четверти, фактурно очерченная шея, напряжённо поджатые губы, широко открытый направленный взгляд всё во внешности Петра говорит о напряжённой и постоянной борьбе и силе – несмотря на то, что конь встал на дыбы он легко, но уверенно держит его за удила, синонимична и поза коня. Это – гимн Императору-личности, не зависящему, но диктующему законы дольные и горные – «Природа и люди ставили перед ним самые непреодолимые трудности; сила и упорство его гения преодолели их, он рьяно творил добро, которого никто не хотел» [7, 187]. Император у Фальконе – пугающе одинокий герой римской мифологии, покоряющий все возможные вершины и опережающий своё время.

Ломоносовский же Пётр и композиционно и сущностно – полная противоположность. К 20–30 гг. XVIII в. в общественном сознании формируется иное видение власти, как института надличностного, общественного. То же отражается и в системе изображения правителя – теперь это была не иконографическая парсуна, а трёхмерный портрет с новационной гносеологической и аксиологической концепцией и видением зрителя, как точки отсчёта.

Однако, на мозаике царь изображён скорее с позиций нач. XVIII в. Царская фигура только начинает приобретать собственную субъектность, но всё ещё находится в окружении «ближнего круга», он всё ещё не одинокий триумфатор и не аллюзия на святого Георгия. Идеиное содержание, функциональная нагрузка и принципы композиции – всё говорит об окружении «первого среди князей». Имперская же идеология отразилась в изображении «служилых людей» и «птенцов гнезда Петрова» на мозаике, как младших фигур на фоне Петра [8]. Сама же мозаика проявление двойной ориентации изобразительной культуры в России с XV по XVIII вв. – провизантийская идеология, запечатлённая

западноевропейскими технологиями, «которые служат ко прославлению военных дел какого либо великаго Государя или знаменитаго народа» [9, 38, 153].

Типично для искусства неоклассицизма скульптура симметрична и вписывается в правильные фигуры вылитая из бронзового сплава она кажется лёгкой, динамичной и движущейся не столько за счёт двух видимых точек опоры, сколько из-за установки на пьедестале в наклон слева-направо (как, если бы всадник взбирался на этот валун). На эту же энергичность работает и отсутствие заборов и решёток вокруг памятника, на том настаивал сам автор [7, 186] Тут же нельзя не упомянуть о расположении памятника – отдельно стоящий посреди пустой площади на вздыбленном коне, над Невой [10, 957–958].

По сюжету панно синкретично – это отражается и в структуре, и в структуре авторского описания [11]. Первая, ведущая, доминанта – сам Пётр на боевом коне и обнажённой шпагой. Контрастное цветовое пятно продолжают стоящие за спиной Петра сановники-полководцы А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев и М. М. Голицын и фрагменты русского военного стяга. Примечательна тут их роль – Меншиков стреляет в шведа, подкравшегося к Петру – идея соборности самодержавия, «Петрова гнезда». В оригинале над всей батальной сценой был изображён апостол Павел с пером руке, а группа Петра находится его одесную [12, 102, 133].

Вторую доминанту первого плана представляют российские солдаты, выгоняющие неприятеля и его

знамёна как бы за пределы полотна. Физическим же центром панно стал гренадёр-преображенец, преграждающий царю путь в пекло сражения. Ломоносов намеренно выдвигает низший военный чин. Как последовательный русофил он продвигает идею единства Петра и поданных [13, 34–36]. И делает он это в противовес, сложившимся народным представлениям о Петре, как об антихристе и попирателе веры – «поместив» Петра под благословение апостола Павла в Петропавловском соборе он как бы канонизировал императора, приравнявая его к небесному покровителю. Так, Ломоносов вместе с идеей соборного самодержавия и группового характера русской власти продвигает полубожественную суть Петра-императора.

Общая и судьба художников, для обоих это – лебединая песнь. Ломоносов через год после своего Петра умирает, а Фальконе инвалидизируется и более ничего не создаёт.

Как следует из вышеописанного – произведения эти в равной мере сходны и различны меж собой. Физические различия сторицей покрываются смысловыми общностями. Однако, наша исходная теория об антитезе изображения двух идеи власти подтвердилась. Мы пришли к выводу о том, что европейская космополитичная идея власти построена на индивидуализации и выделении образа монарха из власти. В оппозиции ей стоит национальная русская идея богоизбранности, соборности и праведности правителя – абсолютного носителя идеи власти.

Список литературы

1. Pigler A. Portraying the Dead // Acta Historiae Artium. Academiae scientiarum Hungaricae. – Т. 4. fasciuli 1–2. Budapest. Magyar tudományos academia, 1956. – Р. 3–74.
2. Святуха О. П. Репрезентация самодержавной власти в русских портретах XVII в.: автореф. дис. кан. ист. наук. – Владивосток, 2002.
3. Полоцкий Симеон. Жезл правления. – Москва: Печатный двор, 1667. – С. 11–14.
4. Акишин М. О. «Общее благо» и государев Указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. – С.-Пб., – № 3(21). 2010. – С. 95–117.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (далее: ПСЗ) СПб., 1830. Т. II – VII; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; – М., 1887–2003. – Т. I – XIII; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1890–1901. – Т. IV. – № 1910.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории. – СПб., 1904. – 1146 с.
7. Diderot. Euvres complètes / éd. Assézat et Tourneaux. – Paris: Garnier, V. XVIII. 1876. – 186 p.
8. Герцен Н. А. Восприятие образа правителя в русской культуре конца XVII века: автореф. дис. кан. культ., – М., 2006. – 177 с. URL: <https://www.disscat.com/content/vospriyatie-obraza-pravitelya-v-russkoi-kulture-kontsa-xvii-veka>
9. Урванов И. Ф. Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода, основанное на умозрении и опытах. СПб.; Типография Морского шляхетнаго кадетскаго корпуса, 1793. – С. 38, 153.

10. Доклад императрице Екатерине II от Сената о месте для постановки монумента императору Петру Великому / Сообщ. Жан-Жанк // Русская старина, – Т. 5. – № 6. 1872. – С. 957–958.
11. Ломоносов М. В. Описание составленной мозаичной картины Полтавския победы к монументу блаженныя памяти государя императора Петра Великого. СПб., 1764. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo9/LO9-169-.htm>
12. Некрасова Е. А. Ломоносов-художник. – М.: Искусство, 1988 г., – С. 102, 133.
13. Рындина К. А. Творческие новации М. В. Ломоносова и русская культурная самоидентификация // Социально-экономические явления и процессы, – № 12(034). 2011.

Информация об авторах

Щебетовская Дарья Алексеевна, студентка Уфимского университета науки и технологий

Адрес: 450076, г. Уфа, улю Заки Валиди, д. 32.

E-mail: darya.kiselevskaya.01@ya.ru; Тел.: +7 (927) 966-14-96

ORCID: 0009-0004-0449-7488

D. A. SHCHEBETOVSKAYA ¹

¹ Ufa University of Science and Technology Ufa, Russia

REPRESENTATION OF EUROPEAN AND RUSSIAN IDEAS OF POWER IN THE IMAGE OF PETER I

Abstract

Objective: contrasting the representation of the idea of the monarchical power of Peter I in the European and Russian artistic traditions and ideological concepts of the II half. 18th century

Methods: comparison, system analysis, data grouping, theoretical knowledge, historical method.

Results: We concluded that the European cosmopolitan idea of power is built on individualization and the selection of the image of the monarch from the social environment. In opposition to it stands the Russian idea of the catholicity of the monarchy and Lomonosov's conviction in the sacred numenosity of Peter. The interpretation of the power of Peter I by Lomonosov to a certain extent correlates with the representation of the royal power of M. Foucault. Falcone's representation of power fully reflects the ideals of the French Enlightenment.

Scientific novelty: In our work, for the first time, we compare the representations of the image of power in Russia in the 18th century. in Russian and European tradition on the example of Peter I.

Practical significance: The study resulted in the development, study and testing of two new concepts that can serve as the basis for further research.

As a result of their development, we concluded about the similar influence of religious and atheistic arguments for the legitimation of power. This can serve to form innovative ways of working with information not only within the framework of historical science, but also in related fields of knowledge.

Keywords: image of power; Peter I; numenosity; representation; legitimacy; nationalism; rationalism.

Information about the authors

Shchebetovskaya Darya Alekseevna, student of the Ufa University of Science and Technology

Address: 450076, Ufa, Zaki Validi Street, 32.

E-mail: darya.kiselevskaya.01@ya.ru; Tel.: +7(927) 966-14-96

ORCID: 0009-0004-0449-7488